

Откуда берется демократия или о роли полиции и о любви к человечеству

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Именно с этим коллегой обсуждал Отец как-то в другой раз такую – также и для КГБ как возможного заказчика – интересную тему, как «Демократия».

– Я бы как-нибудь охотно познакомился со свободами западной демократии, – начал коллега провокационно.

– Какие же свободы ты имеешь ввиду, если ты ни с какими из них не знаком? – ответил заметивший эту провокацию Отец.

– Ну, как какие? Я, например, как-то видел в Москве немецких туристов с Запада. Они ведут себя по-другому. Именно свободно! И этим бросаются даже в глаза.

– Как раз в том, как я себя веду, мне не надо никакой демократии, чтобы быть свободным. Я веду себя всегда свободно! И для этого мне меньше всего нужна та демократия, которая большинством демоса понимается как созданная для его развязного беспредела свобода!

– А что ты имеешь против этой свободы?

– Я не имею ничего против личной свободы как «осознанной необходимости», как это написано даже в учебниках по преподававшемуся нам в университете марксизму-ленинизму. Но я действительно против личной свободы как безграничной, вырастающей до высокомерия и пренебрежения развязности в поведение людей. В том числе и иностранных туристов, которых я тоже то там, то сям встречал и которые бросаются мне в глаза как раз их почти демонстративной развязностью.

– И в чем же состоит тогда твоя свобода поведения?

– Моя свобода кончается на границе, где начинается свобода другого человека! Я должен считаться с этим другим человеком и с тем, что он имеет такое же право на свою личную свободу, как и я, а не плевать на него и на его свободу.

– Но в том-то и проблема! Кто и как должен определять эту границу?

– Нет! В том-то и состоит свобода, чтобы не заходить так далеко и не допускать вообще, чтобы кто-то делал это за тебя. Я сам устанавливаю эту границу, которую я потом и не пересекаю. В этом-то и состоит «осознанной необходимости» и моя личная свобода, что я сам и свободно осознаю необходимость таких границ и сам сознательно и свободно их устанавливаю. И эта свобода доступна далеко не каждому, как здесь у нас, так и на Западе у них. Поэтому они и бросаются тебе в глаза и поэтому у них на Западе, наверняка, не меньше полицейских, чем у нас милиционеров.

– Которые ставят их в рамки, ты имеешь ввиду? Почему же не каждый может поставить себя сам в эти рамки?

– Потому что надо иметь сознание, чтобы что-то осознать! В том числе необходимость самоограничения. Кроме того, требуется еще много тонченного

чувства, чтобы почувствовать границу другого человека, признать ее и остановиться на ней. Сочетание двух этих качеств и известно у людей как тактичность, которая всем нравится, но мало кто о ней думает. А теперь скажи мне, как много тактичных людей встречаются тебе в твоих буднях?

– Трудно сказать. Вероятно их мало встречается как раз потому, что мало кто об этом думает.

– И почему мало кто об этом думает? Да потому что чувство такта – это не какое-то особое, врожденное чувство, а именно дело сознания и связано со способностью вообще думать. Впрочем, как и то утонченное чувство, которое связано со способностью думать о других и за других. И если люди в своей массе этой способностью думать и думать не только о себе не обладают, то это и приводит людей – в том числе и в объявившем себя демократическим обществе – либо к шумным конфликтам на этих личных границах, либо к граничащей с анархизмом безграничности во всем обществе.

– И о чем же ты думаешь, чтобы установить эти границы для себя?

– А я для начала думаю все же о себе самом, потому что, если я не буду думать о себе и понимать себя, то как же я могу думать о других и понимать их? Думая о себе, я пытаюсь как можно точнее определить и установить мою собственную границу вокруг меня самого. Поскольку все, в конечном итоге, и сводится – так же как и у граничащих государств – к точному определению и прокладыванию границ. Тогда, исходя из того, что остальные люди мне подобны, я могу лучше опознать и границу кого-то другого в этом плотном и хаотическом человеческом движении, что я делать обязан, если я не желаю никаких пограничных конфликтов.

– И где ж ты проложил твою собственную границу? Я спрашиваю, чтобы узнать – достаточно ли у меня способности думать и правильно ли я знаю твою границы.

– Ну ты-то уж должен ее знать! Был достаточно рядом со мной. Хотя я это делаю несколько сложнее, чтобы, не особо полагаясь на способность других думать обо мне, сделать ее легче узнаваемой для них.

– Сложнее, чтобы легче! Что это еще за бред?

– Это никакой не бред,, если ты дашь мне все же объяснить тебе, что я при этом имею ввиду. Вместо одной резкой границы я выстроил вокруг меня глубокую, состоящую из многих линий обороны зону. Так я могу еще какое-то время сдерживаться, если некий бестактный и развязный человеческий собрат переезжает эти оборонительные линии одну за другой, как танк. За счет этой сложной оборонной зоны он получает у меня еще последний шанс опомниться и вовремя остановиться.

– Красиво говоришь! Только я еще ни разу не видел, чтобы у тебя кто-то успел воспользоваться этим шансом.

– Ну и что? Это однако не значит, что моя логика не в порядке. Она, к сожалению, почти не работает на практике, поскольку люди понимают мою, связанную с этой оборонительной тактикой сдержанность чаще всего неправильно и, вместо того чтобы остановиться, проникают еще быстрее вглубь моей буферной зоны. До последней, самой внутренней линии, лежащей уже почти прямо на коже. Дальше – под мою кожу – нельзя, естественно, никому! Это граница разрушения, пересечение которой кем-либо грозит мне

разрушением, если до этого не сработает пружинный эффект, сила которого вышибает «внедренца» назад и тем самым снимает созданные им во мне внутренние напряжения. Такие пружинные эффекты ты, вероятно, и знаешь у меня, как мои взрывы.

– Не делаешь ли ты это – с твоими взрывами – сам себе легче с помощью таких сложностей, вместо того, чтобы признаться, что ты мало что можешь терпеть?

– Ну вот это уж точно бред! Я могу даже очень многое стерпеть, если речь не идет как раз о моей личной свободе – о моем свободном движении, скажем, в осознано поставленных мною границах. Это же наша тема! Кроме того, я могу также либо это игнорировать, если на меня наедет невзначай кто-то чужой, либо терпеливо обороняться от этого, если кто-то из знакомых, но не близких мне людей пытается умышленно меня переехать и с тем изничтожить. Я только тогда взрываюсь, когда что-то меня обижает или делает мне больно, поэтому-то я и говорю, что моя внутренняя граница лежит почти на коже. А больно мне могут сделать только мои близкие из родственников, друзей, коллег, знакомых, как раз потому что они так близко ко мне стоят и так близко ко мне допущены мною.

– И как раз по отношению к этим людям ты становишься тогда жестоким?

– Что значит жестоким? Они могут быть тогда выброшены за счет этого пружинного эффекта, который, впрочем, тоже предполагает определенную выдержку и время, чтобы накопить энергию обратного действия, за все эти граничные линии. В конечном итоге, при рецидивах, они могут тогда просто перестать для меня существовать как мои близкие – похоронены и забыты! Однако эта вызывающая у тебя сожаление жестокость касается опять же, как правило, только меня, тогда как другие не всегда даже замечают, что они уже похоронены! Это им и не делает больно, поскольку им отказано всего лишь в доступе ко мне.

– Ну уж перестань кокетничать!

– К сожалению, это уже познанный мною горький факт, а не слащавое кокетство. А теперь мне надоела эта идиотская дискуссия! Я сказал к этому все, что я, не зная западных свобод, знал из моего собственного эмпирически-философского учения о демократии и о личных свободах.

– Но демократия – это все же нечто другое, чем только человеческие отношения, о которых ты все время говоришь.

– Демократия или диктатура, или еще что бы то ни было – это ничто другое, как возведенное до государственного порядка проявление господствующих в обществе социально-политических человеческих отношений. Эти отношения, которые начинаются со столкновения двух общественных субъектов, определяют и общественные отношения при той или другой общественной форме или государственном порядке и поэтому являются первичными. А не наоборот, что какому-то государству какая-то общественная форма – имплантированная изнутри посредством восстаний и путчей, как у нас, или экспортированная снаружи посредством победных войн и смен режимов, как в той же ФРГ, – сваливается, вдруг, на голову и вот уже – как вторичный факт – господствуют в этом государстве демократические или диктаторские человеческие отношения. Люди непрерывно развивают свои отношения и культуру этих отношений в их обществе, а за счет этого и их собственную ими

заслуженную форму государственных отношений. Наверное это и имел в виду Бисмарк, когда сказал, что каждый народ заслуживает своего правительства. Хотя господин Бисмарк тогда, к своему счастью, еще даже не пережил того, как германский демос демократически выбрал себе нацистскую диктатуру и как восторженно ее приветствовал.

– О чем ты снова говоришь? Существует же совершенно четкое определение демократии!

– Ах, прекрати! Только с этим не подкатывайся ко мне! О демократии как власти народа, как у нас, или даже, мягче выражаясь, большинства народа, как у них на Западе, я вообще не хочу ничего слышать! Народ или некое абстрактное большинство народа – это для меня аморфная, безмозглая и безликая масса, и власть этой массы я слишком даже хорошо знаю!

Ошеломленный коллега подумал некоторое время и резюмировал:

– Ты, похоже, не очень любишь людей.

– Каких ты имеешь ввиду? – ответил с резонансом Отец вопросом на вопрос, несколько раздраженный тем, что он все же слишком разоткровенничался. – Я могу любить только тех людей, которых я знаю, и я знаю только тех людей, которых я полюбил. Те же, даже из моих знакомых, которых я не люблю, включая тех самых безграничных и беспредельных, для меня просто не существуют! Они мной именно похоронены! Их постоянно не любить или даже – спаси Бог! – ненавидеть и против них бороться, забирает слишком много сил, которые можно использовать в каком-то другом месте гораздо лучше и более творчески. Человечество, как таковое, слишком велико, чтобы его так просто, поголовно, любить или не любить!

– А как же с известными людьми? Такими, как политики, артисты, певцы, которых ты знаешь, но которые не принадлежат непосредственно к кругу твоих близких, поскольку ты их лично не знаешь. Их ты можешь любить или не любить?»

– Я могу любить или не любить их произведения – у политиков, скорее, не любить, но при этом я не знаю и не должен знать их самих и даже их произведения поименно. Почему я должен их знать? А они меня знают? Они меня также мало интересуют, как я их!

Этот ответ почти срубил коллегу с ног. Он в своем, развитом из-за деревенского комплекса, снобизме старался – так же, впрочем, как и большинство людей в мире – крепко сохранять в голове такие общепольные и абсолютно необходимые для салонных разговоров знания и информации из сплетен о знаменитостях и тому подобного. Коллега утратил дар речи.

– Кроме того, если ты попытаешься познать человечество и людей шире и рассмотреть их поближе, то быстро сделаешь открытие, что оно состоит в большей мере из подлецов и прохиндеев всех мастей или в лучшем случае из дураков. А их-то я действительно не люблю и пытаюсь всегда держаться от них подальше! – попытался успокоить его Отец.

– Ну это снова одно из твоих крутых утверждений! – ответил иссякший собеседник еще более обиженно.

– Я же не говорю, что я сделал это открытие исключительно здесь, среди моих коллег! Ты можешь установить это сам чисто логически, если хоть раз

задумаясь над тем, насколько извращен и изгажен наш созданный людьми или населенный ими мир. Во всяком случае, по сравнению с миром природы. Или лучше сказать, по сравнению с девственной природой, поскольку на сегодняшнюю природу человечество оказывает уже тоже слишком сильное негативное влияние.

Эти представления составляли также основу того, как Отец определял свои и не свои проблемы. Отсюда происходила в общем и его жизненная философия, на основе которой он строил свой собственный мир из узкого круга близких ему людей. В этом мире он был готов перенять и нести ответственность! В этом мире царили его этические идеалы, его моральный кодекс и его человеческие законы – те жестко опробованные и оправдавшие себя вещи, которые в своей совокупности стали чем-то вроде его собственной религии.

*